

"Тревогою обвиты ожидания..."

Среди забытых сегодня одесских периодических изданий первого десятилетия прошлого века можно назвать журнал "Начало" (редактор-издатель А.Г. Фингергут).

Он появился в январе 1907 г., так же, как и "Дивертисмент", но, в отличие от своего театрального "собрата", просуществовал лишь один месяц. Вышло пять номеров этого "журнала литературы, искусства, политики и сатиры". Сейчас трудно понять истинные причины его недолголетия, можно лишь что-либо предположить. Например, чрезмерное увлечение его создателей идеями социализма. Журнал вышел в скорбные дни второй годовщины 9 января, "в тяжелую годину нашей жизни", когда в стране были голод, тиф, дизентерия. Обозреватели считали, что Европа находится "в периоде усиленного политического брожения, ликвидации старого порядка, с его бесправием, привилегиями и несправедливостями и водворения свободного правового строя – всеобщего политического и гражданского равенства".

В каждом из номеров вы увидите работы бельгийского скульптора Константина Менье и подробный анализ его творчества, ибо художник, воспевавший величие человеческого труда, был как бы поставлен во главе эпохи. Его скульптуры объявлялись "аллегорией силы народных масс", а композиция "Памятник труда" – "целая философия души, а, может быть, и пророческая прелюдия будущего".

И при этом сиюминутность политических событий, вероятно, волнующих современников, но мало что уже говорящих нам, так же, как и "служебные комбинации в бюрократических сферах", заботы о "физиономии" будущей Государственной Думы и нюансы очередных выступлений премьера Петра Столыпина.

В журнале "Начало" публиковались маститые авторы и талантливые начинающие литераторы и художники, но подавляющее большинство материалов в художественной форме отражало те же политические брожения. Это можно сказать о стихах и прозе известного писателя А. Федорова, политических баснях "Дядя Яши" (фельетонист Яков Соснов), драматических сценах и литературных фантазиях Б. Флита. Понятно, что в таком издании была уместна публикация молодого Корнея Чуковского – переводы из Уолта Уитмена. Сотрудничали с журналом известный одесский художник Соломон Кишиневский и студент-юрист Михаил Дризо – будущий карикатурист MAD. Женская ностальгия по прекрасному была представлена стихами Изы Кремер и Людмилы Шахрай. Изредка на страницы журнала просачивались одесские улыбки. Предложенная подборка познакомит вас с изданием, представляющим в наше время безусловную библиографическую редкость.

Татьяна ЩУРОВА

НАЧАЛО

еженедельный журнал
литературы, искусства,
политики и сатиры

Содержание № 2.

	стр.
I. Надяло. Пятилетний дельфи	1
II. К. Баченский. Голубь. Стихотв.	3
III. Дж. Павани. Лягушка. Повесть	3
IV. М. Доманский. Случай. Расск.	5
V. Л. З. Спекторство	6
VI. Павл. Бурже. Девочка самок.	6
VII. Иза Кремер. Путь. Стих.	7
VIII. С. Дюваль. Русская женщина	9
IX. И. Турмесетте. Командер	10
X. Мандра. Промысл. повесть	12
XI. К. Чуковский. Путь. Уолта	12
XII. И. Кремер. Стих.	13
XIII. С. Дюваль. Герцог. Расск.	14
XIV. П. Г. В. Тейлор.	15
XV. Библиография	16
Мелкостраницы:	
«Принцесса К. Менье»	1
Разрешаю печ. Типография редактора	
бюрографическая печать № 10412	3
Налоговая I серия свердлов	4
Уральский ярмарочный	5
Морской судья и его приближенные	8
В. Марко	5
Резерв на область речных	9
У. карикатура	10, 11, 12, 13, 16
Альфред VIII, великий король	14
Наблюд. Паскаль, Мухомов	16

№ 2. Пятница, 26-го Января 1907 года. № 2.

А. Оедорова. «Сонеты». Только что вышли въ свѣтъ «Сонеты» А. Оедорова (изд. «Шиповника»). Поэтический талантъ А. Оедорова въ этихъ «Сонетахъ» проявился съ особеннымъ блескомъ. Прекрасны сонеты «Пустыня», «Башня безмолвія», «Синисъ» и другіе, содержаніе которыхъ навѣяно на поэта его странствіями по Востоку. Стихъ сильный, звучный, металлическій. Есть также вещи, имѣющія болѣе близкое къ намъ отношеніе, какъ напр., сонетъ «Кровь».

«Все кровь и кровь. Она, дымясь, струится,
И день и ночь, отмщеніемъ грозя.
По трупамъ смерть, какъ царственная птица,
Къ струямъ спускается, скользя,
И жадно пьетъ. Но кровью не напитокся.
Куда ведетъ кровавая стезя?
О, горе тѣмъ, кому ничто не снится!
Все знать и жить... Такъ больше жить нельзя.
Измучили безсвязные кошмары,
Безумная и злобная рѣзня,
Визжаніе пуль и тяжкихъ бомбъ удары.
О, Божій гнѣвъ! Поди съ небесъ, казня
Того, кто насъ обрекъ на эти муки,
А самъ омылъ въ крови страдальцевъ руки».

Изданы «Сонеты» А. Оедорова весьма изящно. Стоять въ продажѣ 40 коп.

«Памятникъ труда». К. Менкс.
(Фигура рабочаго).

* * *

*Съ утра былъ воздухъ мутно синій.
На западъ, тусклый какъ туманъ,
Неслись тучи. Океанъ
Одѣлся траурною ризой
Все возвыцало ураганъ.*

*А накануне ореоломъ
Была луна окружена,
Давила волны тишина;
И кто-то злой крыломъ тлѣлымъ
Щорою вздрагивалъ со сна.*

*Какъ бы въ предвѣднѣи тризны,
Корабль надъ бездною трепеталъ.
Изъ птицъ никто не залеталъ
Къ волнамъ, не знающимъ отчужды.
Часъ тьмы и ужаса насталъ.*

*Какъ духъ вражды неукротимый,
На волны вѣтеръ налеталъ
И пѣнию мученія запѣлъ.
Хаала тебѣ, неумолимый!
Свобода—гордаго удѣлъ.*

*И съ раздраженіемъ и осмѣ
Поднялись волны на дыбы.
Да будутъ прокляты рабы!
Кто грезитъ миромъ и покоемъ,
Падетъ отъ праведной судьбы!*

*Тамъ въ трюмъ корабля ютятся
Людей покорныхъ стада.
Нѣтъ гонятъ голодъ и вражда,
Имъ сны пугающіе снятся.
Но близокъ страшный часъ суда.*

*Какъ заври, волны бьютъ съ размаха
Въ борти, смывая и стени,
И обшная, и дразня.
Для нихъ корабль—живая плаха,
И казнь свершится среди дня.*

*Смерть оробѣлымъ и покорнымъ,
Смерть тѣмъ, кто все сносилъ дрожа,
Борьбы боялся, какъ ножа.
Мирился съ произволомъ чернымъ,
Съ безнелымъ скользкаго уюта.*

*И тамъ, гдѣ шаткая свобода
Манитъ ничтожныхъ сердца,
Рабомъ онъ будетъ до конца,
И обовѣтъ его невзгода
Кровавымъ терніемъ вѣнца.*

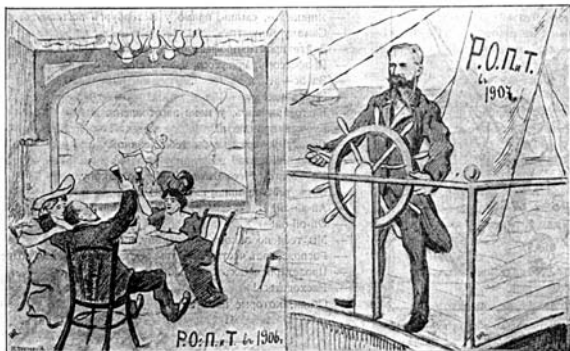
*Ударъ же буря въ борти ослѣпнѣи,
Корабль стихія поглоти,
Чтобы грядущее спасти
Отъ рабскихъ душъ, чтобъ въ тѣмъ беззвѣздной
Свободный къ нестину идти.*

А. Оедорова.

С М Ъ С Ъ.

Борьба женщин с алкоголизмом. В борьбе с алкоголизмом выдающаяся роль принадлежит на Западе женщинам, которые не только работают рядом с мужчинами в общих организациях, но образуют и собственные союзы. Из последних основанной в 1874 г. «Всемирной жен-

ский христианский союз поддержания» является наиболее крупным. Она охватывает 56 стран. Одно из главных средств в этой борьбе с алкоголизмом: организация детей, которых рождает 60000 парализованных эмбриональных стартеров посредством дислокации и отравления. Все это в обществе сознание вреда алкоголя. Через посредство общественного влияния они стараются воздействовать и на законодательство. Голландия, покрывая 7-ю милл. подданных, женщина, требующая от пивоваров прекратить торговлю алкоголем, показала, с какой энергией женщины, приходящие к взаимному совету борются за водород. Во многих штатах Америки им удалось добиться закона, по которому общинам запрещено всякая продажа спиртных напитков. Подобим же закон проведен в Финляндии и урбанизма блестящим успехом. Образное название, обращено и на киношество. В Соед. Штатах один штат за другим вводит в школах чтение о влиянии наркотических веществ на человеческий организм, чему особенно содействовало возмужание деятельности Мату Пипл. Наконец немало сделано женщинами и по заботе трактирных ресторанами без спиртных напитков.

Пусть!

Пусть дорогу пресечет мнѣ черная стѣна,
Пусть останусь на пути тѣлесномъ я одна,
Пусть предстануть предо мною горы до небезь,
Пусть мнѣ двинется навстрѣчу непроглядный лѣсъ,
Пусть потоки, бури, вихри путь мнѣ преграждать,
Пусть все зла и мрака силы выстроятъ въ рядъ, —
Никого и ничего я въ мѣръ не страшусь
И къ моей завѣтной цѣли — проберусь, добьюсь!

Иза Креймеръ.

Рекорды в области рекламы.

Специально для этой рекламы фирма «Vogue» в Лондонѣ устроила конкурс «расавицы». Дамы и дѣвочки, получивши призы, были затѣмъ фотографированы и портреты ихъ составили фонъ для настоящего объявленія, обошедшагося фирмѣ въ 9000 рублей.

Изъ Тейхе.

Пародія.

На сѣверѣ дальнемъ
растетъ одиноко...

На сѣверѣ дикомъ живетъ одиноко
Среди рыва. лива. шиха. грудъ,
И ночи, и дни о погромѣ мечтаетъ
Громила илметный Грис. мушт.

И снителъ смуж. б. то на югѣ далькомъ
Такой же, какъ онъ, ху. лива. г. м.
И ночи, и дни о погромѣ мечтаетъ
Громила другой — Ку. шива. в. а. н.

Изъ Тѣте.

Пародія.

Горнымъ вершинамъ
спитъ въ тѣмнѣ ночной.

Улицы Одессы
Спитъ во тѣмнѣ ночной,
Ху. лива. шиха. б. л. м.
Такъ и ругаетъ въ бой.

Кто-то ни доруж.
Спрятался въ кусты.
Подожди немалого, —
Губеши битъ и ты.

МАНФРЕДЪ.

Ну, сосѣдь, теперь смѣло идемъ по Торговой!

Несостоявшееся ранцов.

7 1/4 ч.
— И на вѣтѣ!

7 1/2 ч.
— Еще четверть часа,
и она летѣла!

8 ч.
— Прикинь меня въ свою
область!

8 1/4 ч.
— Однако, что жъ это
она не летѣла!

8 1/2 ч.
— Это чортъ знаетъ
что!

8 3/4 ч.
— И что я нашла въ
этой сумкѣ дѣвочки?!

Желудок и бюрократъ.

(Басня).

Какой-то бюрократъ,
Самый, что на земле Желудокъ есть голодный.
Узнавъ, что на земле Желудокъ есть голодный.
«Вотъ чудо!» — бюрократъ рывилъ.
«Душъ моей страдалецъ очень милъ,
«Его посетить — милъ бюрократный...
«Претъ зватьте все, что есть мой не блудный»...
И пошелъ бюрократъ просятъ,
Принесла большой оброкъ:
«Тыбъ насралте жесудокъ омы,
«Потребы моею миллионъ,—
«Нужды съемы, въ власть Богъ свидимъ»
И деньги получилъ, даритъ сталъ блуднымъ.

Не мало размылъ языкъ
Посредникомъ-пестикомъ съ улыбкою продажной,
И «кабинетный» весьль олицъ,
И «можество» ольчонъ съ душенькою шантажной.
Когда-жъ конецъ насталъ рыкъ мялнвогъ милогоодной,
То съ голоду погубъ Желудокъ тотъ голодный.

Смыслъ басни легка сердцу и разуму.
Гласитъ намъ онъ:
Дать бюрократу миллионъ—
Не значитъ глба дать голодному Желудку.

Ик. Свр...

Одеситы приветствуют депутата О. Я. Пергамента при выходе из избирательного собрания.

Волшебникъ.

Въ страну, обреченной страданью,
Подъ небомъ, окупаннымъ млою,
Когда-то черилъ, по преданью,
Волшебникъ, свирный и злой.

Укроялъ жестки рокового
Онъ душихъ изъ бойми славилъ
И силой волшебнаго слова
Низъ въ бездну опятъ низвергалъ.

Ты души не думалъ былъ,
Когда-то дивно, въ страну
Они, какъ свѣтлнко, любили
Свою дорожку страну.

Но събылся хлѣвннкъ чиръ—
И стали рабные сыны
По волъ навѣдомой кары
Вампирями блудной страны.

Однажды волшебникъ въ смѣтлнхъ,
Трѣвожнкой душой томилъ,
Ударила жесткая,— и какъ пини,
Нивннхъ души прѣтъ нивнхъ.

И, въ страхѣ дрожатъ прѣтъ влѣднкой,
Нувнннхъ въ кровеный нагодъ,
И тивннхъ въ плѣскою днкой,
И днкой вѣли хорюродъ.

Но что тлоу? Небо свѣтлнветъ,
Угодинъ млннжнхъ нокъ,
А стары волшебникъ блудннхъ,
Молчннхъ,— и не доннхъ нѣтъ прочъ...

Онъ смотрнть, врозѣдно-сурою,
Онъ въ странной трювогъ зѣстнть.
«О, радствъ! Онъ вѣщре слово,
«Волшебное слово заблнть.

«Слетайтесь безудержнмъ рокамъ,—
«Пробойте пробужденнхъ часъ,
«Иъ мольчннхъ бездну зарюкъ
«Мнѣ влѣтъ, породнннхъ насъ!»

И чудо сверннлосъ молоннко:
Груски воскреснлхъ наднннхъ,
Пестлннхъ волшебникъ наднннхъ,
Ннмерженъ кумнръ—чорютой.

Рнзлннхъ чары проклнлхъ,—
Внѣдомъ чюдонннхъ снозъ,
И прнвлнхъ свои въ обнлнхъ
Страну сонлхъ скорюннхъ снозъ...

А. Броннхъ.

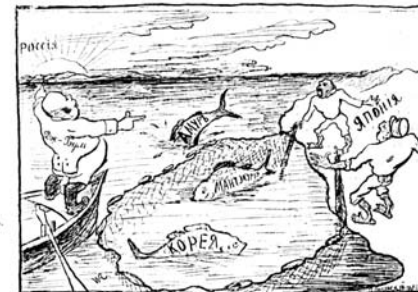
Преддуская снфронъ.

Левъ и Мышенокъ.

Современная басня.

Мышенка какъ-то гордый Левъ
Въ числѣ друзей позвалъ къ обѣду.
Компания была большая, и въ бѣсѣду
Вступилъ все, порядкомъ оламнлвъ.
Тутъ, ощутивъ прнтокъ
Сантнметалннхъ члстнхъ и блнже умнлннхъ,
Хлзвннхъ вечера съ улыбой созелнлнхъ
Мышенку вѣдлтъ посылтъ уррѣкъ:
— Ты, млннхъ,—рѣкъ онъ тономъ дружбы,—
Труснлвѣ ужѣ больно на словн,
Стѣннлнхъ, молчннхъ и двнжнлхъ сѣвъ.
Незорошъ! Пойми, тутъ ннлтъ нн стнрннннхъ,
Нн днсплнннхъ нн с-службы.
Тутъ все равны,
Тутъ все сердца и помнслы полны
Благожелательности ннжнкой...
И вотъ тебѣ мой сѣкъ: чтобъ доклннхъ,
Что вразую нѣррѣннхъ
И попусту не стнну цѣслнлхъ,
Прочу тебѣ, чтобъ ты отнннхъ
Со мной бѣздовалъ не въ страхѣ и кручннхъ,
А словно съ братомъ братъ.
Ты можѣшъ говорнть отнннхъ, что усодо,
Учнть мѣкъ, рурнть, крншнхъ-отнть свѣбодн,—
Я буду очень радъ.
И все прослншлхъ покорою, блзгородно!—
Мышенокъ, вѣслншлхъ такую рѣчь,
Онъ счастья цѣлнхъ часъ не могъ нн вѣстнть, нн лѣтъ.
Такой свѣбоды ннлтъ Мышенокъ.
Не предствллтъ себѣ съ нелѣнкою.
И вотъ,
Чтобъ сброснть, наконецъ, съ себѣ тѣжѣлнхъ онетъ
Молчлнннхъ и тлростн нозорной,
Мышенокъ съ млною млжорной

Встлхъ въ полу и зговорнлхъ:
— Прнвалнстурн, о Левъ, нлхъ вслгъ млнннхъ слнхъ
Твои словн! Онн—оннхъ оннрл!
Теперь ужѣ мнѣ крнштнть душой не надо,
Теперь ужѣ я
Могу тебѣ все, все не уталъ,
Слзлнть, что думлво. И длдъ началъ
Ловтъ рыкъ молъ:
Ты, Левъ, умъ слннхкомъ млло
Знблнннхлхъ о насѣ, а о себѣ
Ужѣ слннхкомъ думлнхъ. Клзодлрл слудбъ,
Ты нлхъ-нлхъ крнсой и слнкою на днхъ.
Твой влзлдъ—нскрнстое огнво,

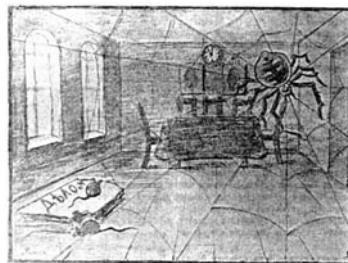
Днкоу Булхъ. Охъ, вы, такой рыбѣ—да далъ уйтн!

А рѣчь твою—серднпнхъ урамнхъ!
О, селн-бъ ты, какъ рѣвнхъ тлнлннхъ,
Дары свои транлнхъ!
О, селн бы ты нмн
Распорлжлхъ съ цѣлнхъ нмннхъ!
Прнпомн: лннхъ вчера, когдл къ концу
Плнонлхъ денъ, мы внлнхъ картину:
Остроннхъ Волкъ терлзлтъ Овну,
И вопль о полонцн всю оглнлхъ долнну.
Что-жѣ сѣвллтъ ты? Ты не помогъ овцѣ.
Въ волкѣ, бѣзслнннхъ наглнхъ,
Ты внлнхъ торжѣство млжнства родногъ!
— Одннхъ лннхъ влзлдѣтъ, одннхъ лннхъ слово,—
И ты-бъ овцѣ спасеннхъ бѣлхъ!
Но... слова того, о Левъ, ты не слзлнхъ,

И лѣтъ сврннлосъ, востлр-жлстнволаво:
Овцы не стнлнхъ—
Мышенокъ кончлхъ рѣчь, отклнлхъ слѣтъ.
Но тутъ случнлосъ что-то,
Что и опислвлть мнѣ, право, не охота:
Иъ Мышенку Левъ ворлхъ подѣкочнлхъ стрллой
И закрнчлхъ сурою:
«А! Такъ-то почлзл ты свѣбоду словн!»—
Мышенка влнхъ отпрлнлхъ... за овцой.

Иъ Мышенку и Овцѣ сѣвлн-н
Поплстъ въ компаню зачотѣтся кому,
И потому
Позволнлте волдержлтнхъ отъ моралн.

Дядя Яшъ.

Слзскл Гуродскл Упрлвлъ.

Сонъ.

Изъ „Пролетарскихъ пѣсень“ Морриса Розенфельда.¹⁾

Упали дрожавшія лунныя нити
На море, на темныя кущи...
По тихой долинь забвенья и смерти
Ведетъ меня Сонъ всемогущій.

Найдется мѣстечко на старомъ кладбищѣ
И счастья, и скорби великой.
Спитъ рядомъ хозяинъ съ наемникомъ грустнымъ
И рабъ съ своимъ гордымъ владыкой.

Какъ призраки, стали плакучія ивы,
Какъ смутныя тѣни былого.

Душа моя внемлетъ молчанью, молчанью...
Ни вздоха средь мертвыхъ, ни слова.

Лишь вѣетъ зефиръ надъ долиною смерти,
Какъ братъ надъ сестрицею нѣжной:

„Миръ косточкамъ сирымъ, миръ бѣдному праху—
Покойтесь въ гробу безмятежно!“

„Ты видишь?—спросилъ меня Духъ сновидѣній.—
Лежатъ два холма передъ нами:

¹⁾ Современный еврейскій поэтъ. Родился въ Россіи (въ 1862 г.), но уже 25 лѣтъ живетъ въ Америкѣ. До послѣдняго времени работалъ въ португальскихъ „погонныхъ“ мастерскихъ (Sweat-shop); теперь разбитъ параличемъ, отдыхаетъ... Въ 1898 году его лучшія пѣсни были изданы въ англійскомъ переводѣ профессоромъ Говардскаго университета Лео Винеромъ. Вскорѣ появились переводы произведеній Розенфельда на нѣмецкомъ языкѣ (Бертольдъ Файвель), а затѣмъ — на французскомъ и чешскомъ. Изъ русскихъ поэтовъ переводилъ Розенфельда, между прочимъ, П. Я. („Мой мальчикъ“—въ „Русскомъ Богатствѣ“).

Одинъ изъ нихъ голой чернѣетъ землю,
Другой же усыпанъ цвѣтами“.

—„Какъ странно!—сказалъ я.—Великая Матерь
Вскормила ихъ грудью одною,
Одинъ ихъ ласкаетъ зефиръ тихоструйный“...
—„Всю правду тебѣ я открою.

О, знай же: въ могилъ, поросшей цвѣтами,
Спитъ ловчій изъ своры жестокой;
Въ тенетахъ его извивался рабочій
Съ разсвѣта до ночи глубокой.

Кровь теплую дѣтокъ, воркующихъ дѣтокъ,
Онъ пилъ ненасытнымъ вампиромъ,—
И кости его оттого побѣлѣли
И свѣтлымъ одѣлися жиромъ.

Изъ пынаго тѣла теперь поднялися
Душистыя, алыя розы,
Но это цвѣты не его, а рабочихъ.—
То потъ ихъ кровавый и слезы!“

Тутъ всталъ изъ могилы рабочій и крикнулъ
(Жила въ немъ великая злоба!):
„Мои здѣсь не только цвѣты на могилъ,
Но доски, но гвозди изъ гроба!

Отдайте мнѣ саванъ, и прочный, и бѣлый,
Отдайте мнѣ Талесъ²⁾ богатый!
Они моимъ потомъ и кровью добыты,
Изъ сердца, изъ печени взяты!“

И взвился высоко порывомъ могучимъ.
„Все это пройдетъ ли вамъ даромъ?“
Онъ поднималъ кулакъ свой... онъ міръ уничтожитъ
Однимъ безпощаднымъ ударомъ...

Проснулся я... Въ сердце, какъ бурныя волны,
Росли и тоска, и участь.
И слышу я голосъ: „Цвѣты развѣ только?
Онъ радость укралъ у насъ, счастье!“

²⁾ Покрывало для молитвы.